

Глава 1

Делани знал, что уже бывал в этом сне, знал эту болезненную белизну, ледяные иголки, залепляющие глаза, знал тишину, напор ветра с реки. Но понимание того, что это сон, не прогнало его страхи. Как и прежде, он размахивал руками, пробираясь сквозь белую массу; как и прежде, белизна была рыхлой, и он точно знал, что это снег. Как и прежде, горизонт не был виден. Как и прежде, ноги его плыли в мёрзлом месиве. Земли внизу не было. Не за что было ухватиться. Ни забора. Ни столба. И никого вокруг.

Ни друга.

Ни женщины.

Как и прежде — лишь этот давящий снег...

А потом он проснулся в синей тьме. Звук. Звонок. Непослушной спросонья рукой он поднял чёрную трубку телефона, стоявшего на ночном столике. Нет. Звук шёл с улицы, от кованой калитки у крыльца его дома: кто-то поднял трезвон, дёргая за шнурок старого звонка. Сколько раз он слышал этот звук! Дрожая от холода в хлопчатой летней пижаме, он откинул одеяло. Динь-динь-ДОН. Штора поднята на фут, окно — на два дюйма. Делани не мог обходиться без свежего воздуха даже в самые холодные зимние ночи. Дубовый подоконник был запорошен снегом. Он поднял штору и увидел — со стороны Норт-Ривер параллельно земле несётся снег. Поднимавшийся с вечера ветер теперь всерьёз завывал. Полуночный снегопад превратился в предрассветную пургу. Мело с запада, вдоль улицы Гора-

ция. Моника, чёрт тебя дери! Открой дверь, звонят! А, вспомнил: медсестра уехала со своим ухажёром на новогодние праздники. Делани накинул на плечи фланелевый халат и раздёрнул портьеры, будто повинуюсь приказу колокольчика. Динь-динь. Динь-динь-ДОН. Он глянул на часы. Шесть семнадцать. Звонок требовал внимания. В то самое утро, когда весь Нью-Йорк спит. Он поднял окно, покрывшееся от холода ледяными узорами. Снег ринулся в оконный проём. Он высунул голову навстречу снегу и посмотрел вниз. Человек у калитки под навесом продолжал дёргать шнурок звонка. Делани знал его. Мужчина выглядел словно шкаф, на который напялили пальто. Его звали Бутси. Бутси Чирилло. На его жемчужно-серой шляпе и плечах тёмно-синего пальто скопились целые кучи снега. При звуке поднимающегося окна он отступил назад и устоялся вверх.

— Док? Меня послал Эдди Корсо, Док, — у него был хриплый голос. — Вы ему нужны. Сейчас же.

— Мне нужно пять минут, — сказал Делани.

— Даю три.

Делани вздохнул, закрыл окно и быстро оделся. В голову пришло: с появлением звука в кино эта долбаная шпана стала только хуже. «Даю три». Староват я для этих парней. Он натянул свитер поверх джинсовой рубахи, добавил к этому шарф и матерчатую кепку с рыбацкой символикой. Её он получил в подарок от Ноко Кармоди из профсоюза портовых рабочих. Делани натянул кроссовки и не поленился их зашнуровать. Затем рассовал по карманам ключи, взял несколько долларовых банкнот, подхватил поношенный чёрный саквояж и спустился по лестнице в холл, направляясь к выходу. Снег снова ударил ему в лицо, и снова будто бы иголками. Он опять закрыл глаза. Сон, проклятый сон... одно и то же, ещё с конца девятнадцатого века.

— Долго вы, Док, — сказал Бутси. — Дерьмово это.

Он отвернулся и стряхнул снег со шляпы, а затем шляпой смахнул сугробы с плеч. Снег заметал крышу и капот чёрного «паккарда», стоявшего в паре футов от бордюра. Бутси рванул

на себя пассажирскую дверь, приглашающе мотнув головой Делани, обошёл машину и сел за руль.

— Опаздываем, — сказал он.

— Я старался, как мог, Бутси, — сказал Делани, втискиваясь на переднее сиденье и закрывая дверь. Толстяк завёл автомобиль и отъехал; снег начал разлетаться с капота. Они ехали по улице Горация в восточном направлении, а сзади громко завывал ветер. Других машин на улицах не было. На повороте на улицу Хадсон их занесло.

— Может, лучше пешком? — спросил Делани.

— До Эдди ещё кварталов девять.

— До него будет тысяча миль, если ты нас угробишь, Бутси.

Толстяк что-то проворчал и сбавил скорость. От их дыхания стекло запотело, Бутси достал белый шёлковый носовой платок и протёр его. Потом передал платок Делани. Доктор вытер перед собой ветровое стекло и опустил на дюйм боковое. Бутси всё ворчал.

— Как это вышло, что у вас нет машины? — спросил Бутси. — Вы могли бы ехать за мной.

— Не могу себе позволить.

— Да ладно. Вы же доктор.

— Вот поэтому и не могу себе позволить.

— А эта шушера вокруг, они что, не платят вам?

— Это бедные люди, Бутси. И они тоже болеют.

Толстяк повернул направо и ещё раз направо, приближаясь к Маленькой Италии. Несколько детей шли от многоквартирных домов. Один из мальчиков нёс с собой стихарь, каёмка которого высывалась из-под рождественской газеты: шёл служить семичасовую мессу в церкви Пресвятого Сердца. Точно так же, как в давние времена часто делал и сам Делани. Он заметил, что уличные фонари всё ещё горели. Другая зона городских электросетей. Другой мир.

— Что случилось с Эдди?

— Там поймёте.

— Может быть, я лучше подготовлюсь, если ты расскажешь мне, что стряслось.

Бутси вздохнул, задумался и свернул в очередную заснеженную улицу. Пурга постепенно превращала запаркованные авто в большущие белые скульптуры.

— Мистера Корсо подстрелили, примерно час назад.

— Место?

— Живот. Возможно, и рука. И, похоже, ладонь. У него все пальцы в крови...

— Я имею в виду, где это случилось.

— В клубе. У нас была новогодняя вечеринка, все пацаны с жёнами. Оркестр там, все дела, пищалки, дурацкие колпаки. Большинство уже по домам разошлись, было часа три ночи. Часть парней поехали в Чайнатаун потрахаться. Потом карты, виски, всё по-крупному. Я приготовил завтрак, омлет с колбасой, как обычно. И тут в дверь входят трое громил с пушками. Они ни слова не сказали. Сразу начали стрелять. Потом стрелять начали все. Этим троим завалили, но упал и мистер Корсо. Ему сильно досталось, но он сказал: «Бросьте эту ёбань в реку». Я оставался с ним, пока ребята выволакивали трупы. Всё ещё темно, видите? Никого на улицах. Все фонари горят. Копов нет. Никого вообще. Только этот блядский снег.

Он затормозил у входных дверей заведения под названием «Спортивно-социальный клуб „Хорошие люди“». Улица была пуста. Они с Делани выбрались из машины. Бутси постучал в дверь. Три коротких стука, затем ещё два. Человек с землистым лицом и глазами мертвеца выглянул наружу и открыл дверь пошире. Почти всё освещение было выключено.

— Быстрее, мать твою, — сказал землистый тип, обращаясь к Бутси.

— Я спешил, как мог, Кармине. Там такая пурга, пиздец просто.

Клуб был заполнен пищалками, дурацкими шляпками, перевёрнутыми столами и кровью. Делани заметил смазанные следы на полу, где тащили волоком трупы. У стены на раскладушке лежал Эдди Корсо. Увидев Делани, он ослабил.

— Врача, врача, — прошептал он и изнеможённо улыбнулся.

На его лице была кровь, возможно, с мокрых малиновых рук; по его белой рубашке расплзлось большое кровавое пятно.

— Боже, больно-то как, Док.

— У тебя случалось и похуже.

Тот улыбнулся: «Морфий, морфий... — словно зов из окопов под дождём. — Док, пожалуйста...»

Корсо засмеялся, затем застонал, и Делани дал ему то, в чём он нуждался. Он протёр пациенту руку ваткой, смоченной в спирте, подготовил шприц и ввёл дозу морфина. Корсо вздрогнул, затем вздохнул, издав булькающий звук. Делани разорвал окровавленную рубашку, чтобы осмотреть самую серьёзную из ран, затем остановил кровотечение, использовав эластичный бинт.

— Тебе надо в больницу, Эдди.

— Больница? Ты что, сбрендил? С таким же успехом меня можно отвезти в «Дейли Ньюс», — от морфина его голос превратился в дрожащий шёпот. — С этим никуда нельзя. Это...

— Я не смогу сделать то, что тебе нужно, Эдди, — сказал Делани. — Тебе нужен хирург.

— Ты же делал это в Аргоннах, Док!

— И попортил немало ребят.

— Но меня-то не испортил!

— Тебе нужен профессиональный хирург, Эдди. Любой, у которого правая рука работает как надо, в отличие от моей. Кто-нибудь из больницы Святого Винсента.

— Как только туда привозят с огнестрелом, сёстры вызывают копов.

— Давай я посмотрю, что можно сделать, — сказал Делани. — Телефон у тебя работает?

— Ага, — сказал Бутси. — Вон там.

Делани позвонил в больницу Святого Винсента, назвал своё именем, спросил дежурного хирурга и стал ожидать, не вешая трубки. Его глаза скользили по пространству клуба: кровь и беспорядок, стонущий Эдди Корсо, тип с землистым лицом у двери и Бутси, доедающий в баре остатки торта. Взгляд его упал и на

фотографии в рамках — боксёры, бейсболисты, пикники, праздники, свадьбы; между ними коричнеVELO групповое фото остатков батальона на выжженной французской земле. Все они были ещё юными — крестьянские парни и городские жулики, и среди них Эдди Корсо, смеющийся, будто бы он выиграл в лотерею, вечно с шутками-прибаутками, и при этом храбрец, каких Делани не видывал. Он увидел и себя самого, стоящего на фланге, с медицинской повязкой на рукаве, лицо исхудало, сигарета в тогда ещё здоровой правой руке.

— Алло-алло, — раздался голос в трубке. — Доктор Циммерман слушает.

— Ну слава Богу, — сказал Делани, почувствовав облегчение от того, что дежурит именно этот молодой интерн. — Джейк, у меня к тебе большая просьба.

Бутси высадил их из машины перед домом на улице Горация в начале девятого. Они завели Эдди Корсо через старый приёмный покой и дотащили до хирургического отделения. Если он останется жив, никаких записей об этом не будет, а если умрёт, это вообще никого не коснётся. Около десяти к ним, в коридор, вышел Джейк Циммерман, молодой, тощий и усталый, и при помощи вымученной улыбки и кивка дал Делани понять: Эдди будет жить. Сёстры обещали позаботиться о нём после операции и при этом помалкивать.

— Кстати, — спросил Циммерман, — откуда у вашего пациента эти шрамы? Один на спине, один на ноге?

— Аргонны, — ответил Делани. — Это я его там зашивал. Потому всё так паршиво выглядит.

— Аргонны?

— Ну да.

— Вы мне об этом не рассказывали.

— Это было так давно, Джейк. В другой жизни.

А сейчас он был на улице Горация, и метель мела с прежней силой. От изнурённого дыхания Бутси в машине снова запотели стёкла. У дома Делани открыл дверцу.

— Спасибо, Бутси, — сказал он.

— Вам спасибо, Док.

Бутси протянул руку и дотронулся до руки Делани.

— Вы охуенный, Док.

— Надеюсь, — сказал Делани и ступил в напиряющий снег.

Он посмотрел вверх на маленький кирпичный домик, доставшийся ему в наследство от Эвелины Лэнгдон. Это случилось десять лет назад, в хорошие времена, до проклятой Депрессии. Она была, наверное, последней из тех старинных семей протестантов, что заселили улицу в 1840-х, сбежав от холеры и ирландцев и построив здесь неприступные дома-крепости из кирпича и буро́го песчаника. Он поддерживал в ней жизнь, и Эвелина дотянула аж до семидесяти трёх. Она пережила обоих детей и всех своих друзей. Когда она умерла и огласили завещание, в конверте оказалось письмо к Делани, в котором подтверждалось, что дом этот отныне принадлежит ему, его жене Молли и дочери Грейс: «Ты был моим последним и, возможно, самым верным другом. Пожалуйста, пользуйся этим домом, сделай свою жизнь богаче».

— Я пробовал, — думал он, открывая чугунную калитку под навесом и вспоминая о письме Эвелины. — Я пробовал, но далеко не всегда удачно. И хуже всего — я потерял тех, кого больше всего любил.

Затем он заметил следы на ступеньках крыльца, а наверху — затуманенные стёкла прихожей. Туман был такой же, как в машине Бутси, — слоистый неровный туман от человеческого дыхания. Он торопливо взобрался по лестнице, держась за чугунные перила здоровой левой рукой. Ступеньки были подозрительно засыпаны свежим снегом. Он обернулся на улицу, но Бутси уже уехал.

Дверь в прихожую была отперта. Её обычно не запирали, чтобы в плохую погоду мальчишка из конфетной лавки Рейли мог приносить газеты. В левом углу он заметил «Таймс», «Ньюс» и «Миррор». Возможно, следы принадлежали мальчику-газетчику. Возможно.

Затем, приоткрыв дверь на несколько дюймов, он увидел детскую прогулочную коляску. Она была поношенной и ветхой

от старости, потёртый козырёк провис и болтался. Будто кто-то купил её в магазине подержанных вещей. В коляске под кучей одеял обнаружился ребёнок, голова его в жёлтой вязаной шапочке была обмотана зелёным шарфом.

Он знал этого мальчика с большими испуганными карими глазами. В последний раз они виделись, когда малышу было от роду шесть дней — он был одним из бесформенных младенцев, населявших родильное отделение нью-йоркской больницы. Однако глаза у него были мамыны, и светлые волосы тоже. В то утро Грейс разрешила ему подержать мальчика, сказав, что отец его, Рафаэль Сантос из мексиканского города Куэрнавака, «ушёл по делам». Ей тогда не было и семнадцати — единственному их с Молли ребёнку. Теперь этот ребёнок и сам оказался с ребёнком. Умная, одарённая, испорченная, но всё-таки ещё ребёнок. Как и десять тысяч других молодых мам в Нью-Йорке. Когда на следующее утро Делани снова пришёл в больницу, дочери с ребёнком там уже не было. С тех пор прошло три года. Некоторое время она продолжала слать открытки. Из Ки-Уэст. С Кубы. Потом Грейс написала длинное письмо из Мексики, рассказывая Делани и Молли о том, как трое Сантосов сели на корабль, отправляющийся в Веракрус с остановками на пути. «Я пробовала дозвониться перед отплытием, — писала она. — Никого не было дома». Молли прочла письмо первой, затем пришлёпнула листок к груди Делани. «Гнилая и испорченная, — сказала она. — Тобой». Там были ещё какие-то буквы, шифр или код, будто Грейс боялась, что это сможет прочесть кто-то посторонний. А затем буквы прекратились. Будто их стёрли с грифельной доски. Грейс оставалась в его жизни и в жизни Молли, но с ними её не было. И он никогда не встречался с её проклятым мужем.

Он отпер внутреннюю дверь прихожей и вкатил коляску с сидящим тихо мальчиком в холл, закрыв за собой двери. Его спальня располагалась слева, со стороны улицы, переделанная из гостиной кем-то из забытых прежних жильцов, а бывшую

спальню, выходящую в сад на заднем дворе, загромождали стулья и диваны. Комнаты разделяли раздвижные двери из дуба, но паркет, простиравшийся от наружных до внутренних окон, представлял собой сплошную дубовую равнину. Он осторожно выпростал ребёнка из-под одеял, думая: «проклятые пелёнки». Волосы мальчика были светлее маминых тёмно-русых; он молча уставился на Делани. И тут Делани увидел письмо, лежавшее на коленках малыша. Адресовано «Папе». Запечатано. Он бросил конверт на кровать. Подумал: прочту после, не при мальчишке. Не хочу, чтобы он видел меня в ярости. Она, конечно, всё объяснит, но я не смогу остановиться. Он стянул с себя тяжёлую одежду и почувствовал, как в комнату вторгается зябкая сырость. Подумал: надо развести огонь. Он поднял ребёнка, глубоко дыша на его холодные щёки. Мальчик поднял руки вверх. Лицо его выглядело так, будто он испытывал зубную боль.

— Мама́, — сказал он, высунув руку и махнув в сторону двери. Ударение на второй слог. — Мама́?

— Мы её найдём, мальчик. Не волнуйся.

— Мама́?

На мальчишке был бледно-голубой лыжный костюмчик, под которым нашёлся тёмно-синий свитер; Делани всё это снял, поднял мальчика и поставил у кровати, ногами на потёртый персидский ковёр. Карлос. Его зовут Карлос. Вес хороший. Двадцать девять-тридцать фунтов. Вес здорового ребёнка. Кожа чистая. Небольшие белые зубы. Он пах молоком. Мальчик продолжал стоять, положив голову на матрац и рассматривая странную комнату с высоким потолком, с электрическими лампами, расположившимися на месте газовых светильников, тёмными застеклёнными картинами на стенах, комодом, где хранилась одежда Делани. Мальчик смотрел на две фотографии в рамках, стоящие на комоду. Молли, жена Делани, когда ей было двадцать пять. Грейс, когда ей было шестнадцать, примерно в то самое время, когда она где-то в городе впервые встретилась с Рафаэлем Сантосом. Делани подумал: у мальчишки умные глаза. Глаза его мамы.

— Мама́, — сказал он, показывая пальцем. — Мама́?

— Да, — ответил Делани. — Это твоя мама́.

Угли в камине были пепельно-серыми, и Делани сел на корточки, смял старую газету, сложил домиком щепки и чиркнул спичкой. Он думал: «Что за чертовщина происходит, в самом деле? Я имел дело примерно с тремя тысячами детей такого роста и возраста, но я понятия не имею о том, как за ними ухаживать. Хотя бы один день. Я не знал, что делать с собственной дочерью, когда она была в возрасте этого мальчика. Вместо этого я пошёл воевать». Мальчик смотрел на него, тёмные глаза расширились по мере того, как разгоралось пламя. Он поворачивался к фотографии и снова смотрел на огонь, пока Делани совком доставал куски угля из ведёрка. Делани почувствовал боль в правом плече. Это не от холода. Но он должен что-нибудь сделать, чтобы мальчику было тепло в этом огромном доме, полном сквозняков. В хорошие годы, предшествовавшие Краху, Делани установил в доме водонагреватель; это было непростой задачей с учётом года постройки — 1840. А вот на паровое отопление перейти не вышло: начали лопаться один за другим банки, его деньги пропали. И обогрев дома остался на уровне девятнадцатого века. Дрова, бумага и уголь, закрытый камин. Но мальчику, видимо, всё это нравилось, он протянул ручки к теплу. Надо его ещё и накормить. А в первый день нового года в Нью-Йорке найти работающий ресторан не так то просто. По крайней мере, до вечера. Всё равно ему надо поесть. Боже, и мне ведь надо поесть. Завтрак. Нет, уже обед.

— Как насчёт покушать, Карлос? — сказал Делани. — Думаю, у нас найдутся кукурузные хлопья, яйца и что-нибудь ещё в том же роде.

Мальчик недоумённо глянул на него, и Делани осенило: он просто не понимает, о чём речь. Почти три года они находились в Мексике, где жила семья и друзья его отца. Понятно, что все вокруг говорили на испанском, включая Грейс. И няньки. И повар. Поскольку, согласно скупым на подробности письмам Грейс, Сантос был не из крестьян. Он был из богатой семьи, как и многие другие революционеры. Делани знал несколько ис-

панских слов, однако он тут же пожалел, что они с Молли провели в Европе время не в стране гласных, а в гуще согласных звуков — в Вене.

— *Quiere... comer?** — сказал он, имитируя пустой рукой движение ложки.

Мальчик кивнул, Делани взял его за руку. Надо, чтобы он держался подальше от лестниц. Мне придётся купить специальные складные дверцы. Вообще, надо будет много чего сделать.

Мальчик навернул две миски хлопьев и отхлёбывал какао из чашки. Он наблюдал за Делани, будто пытаясь понять, кто этот странный дядя. И куда он попал, что это за огромный дом. Он стал подражать Делани, неуклюже перекладывая ложку из одной руки в другую, слишком большую ложку, из неё на стол падали размокшие хлопья и проливалось молоко. Мама, видимо, слишком долго его кормила с ложки. Или няня. Гнилой и испорченный. Мальчик сидел на подушке, чтобы было удобнее, и переводил взгляд с Делани на два кухонных окна, через которые был виден двор. Он смотрел на ослепительную белизну.

— Се, — изрёк мальчик, жестикулируя ложкой.

Делани повторил его жест.

— Се, — снова сказал мальчик.

Делани улыбнулся, внезапно поняв, о чём идёт речь.

— Да, это снег.

Подумал: твоя мама хотя бы нашла время, чтобы научить единственному английскому слову. Ты же, возможно, до этого утра снега и не видел вовсе. А твоя мама ткнула пальцем и сказала, как это называется, прежде чем оставить тебя в долбаных снях.

— Хочешь посмотреть на снег?

Делани встал и поднял мальчика с подушки.

— Подожди, — сказал он, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь из лексикона кубинцев-уборщиков, работавших в больнице. Подожди. Как это перевести? И вспомнил: — *Espérate.*

* Хочешь... есть? (*исп.*)

Делани взобрался по лестнице в холл, шагая через ступеньку, достал вязаную шапочку и новую куртку с капюшоном и пристёгнутыми варежками и спустился обратно, вновь одевшись во всё зимнее. Мальчик стоял у окна, щурясь на сверкающий снег.

— Пошли, — сказал Делани, натягивая куртку, просовывая ладони мальчика в варежки и завязывая капюшон на подбородке. — Vamos, малыш. Пойдём посмотрим на снег.

Он открыл дверь, ведущую на веранду. Сюда стекались вещи, не нашедшие места где-либо ещё: полки, забитые коробками со стиральным порошком; пачки старых журналов и газет, перевязанные шпагатом; неиспользованные рождественские украшения; молочные бутылки; грабли, подвешенные на гвоздь; широкая снегоуборочная лопата; большой красный ящик с инструментами. Больше всего места занимал велосипед Делани марки «Эрроу», его педали и шестерни были плотно обёрнуты промасленными тряпками. Они с мальчиком прошли мимо велосипеда ко второй двери, ведущей во двор. Делани пришлось с силой поднажать на дверь, чтобы сдвинуть нанесённый снег.

Теперь всё оказалось перед ними, и малыш глубоко вдохнул и выдохнул. Ветер с Норт-Ривер здесь был не так силен: дома, словно кирпичные крепости, защищали от него задние дворики. Однако он всё ещё сохранял волшебную силу, которая превращала снежные вихри в небольшие горы; впрочем, некоторые из них были выше роста малыша. Здесь вразнобой торчали массивные розовые кусты, облепленные снегом. А в углу росло оливковое дерево, подаренное мистером Нобилетти-обувщиком, дерево на зиму было обёрнуто в толь, и всё это, занесённое снегом, напоминало гигантский рожок с мороженым. Нижние части забора утопали в снегу. Делани нагнулся и слепил снежок.

— Снежок, — сказал он, приподняв его так, чтобы мальчик смог разглядеть.

— Се-зок, — повторил мальчик.

Левой рукой Делани запустил снежок в ближайший забор, об который тот разбился, рассыпавшись в порошок. Он снова ска-

зал: «Снежок!» Мальчика это привело в трепет. Делани слепил ещё один и запустил его посильнее в тыльную часть забора. С забора свалился образованный налипшим снегом барельеф. У Делани заболела правая рука, несмотря на то что он бросал снежки левой. Мальчик зачерпнул немного снега из небольшого сугроба и попытался слепить сам. Первый снежок рассыпался у него в руках. Он попробовал слепить другой, более удачный, затем его бросил фута на два и увидел, как снежок проваливается в очередной сугроб. От восторга он засмеялся.

— Се-зок!

Он слепил ещё один снежок и бросил его, и ещё, и ещё. Бросал левой рукой. Делани понял, почему он всё время переключал ложку с хлопьями из одной руки в другую. Похоже, что у нас завёлся ещё один левша. Как его бабушка. Как Молли.

— Се-зок! — визжал малыш. — Се-зок.

Он посмотрел на Делани, будто пытаясь решить, как далеко ему можно с этим зайти. Делани улыбнулся. После этого мальчик нырнул в одну из снежных гор и начал в ней барахтаться, разбрасывать снег руками и пинать его своими маленькими ножками.

— Се! Се! Се! Се!

Малыш заснул у него на руках, пока он нёс его вверх по лестнице. Делани положил его на свою незастеленную кровать, снял верхнюю одежду и башмаки. Мальчик внезапно проснулся и принялся разглядывать странную комнату и лицо Делани. Он не двигался и выглядел испуганным.

«Мамá? Dónde está Mamá?*

— Не волнуйся. Она вернётся.

Подумал: лучше бы она вернулась. Немедленно. Я с этим не справлюсь. Он почувствовал прилив ужаса. Что-то из эпохи дождливых рассветов с примкнутыми штыками. Подумал: я должен прочесть письмо. И это тоже страшно. Подумал: избить бы кого-нибудь. Всё равно кого. Только не этого малыша.

* Где мама? (исп.)

«Всё в порядке, — мягко сказал Делани. — Todo bien*, Карлос».

Взгляд мальчика заметался по комнате. Он потянулся левой рукой к низу живота.

— Ох, да, я понимаю, давай.

Он взял мальчика на руки и отнёс его в ванную, располагавшуюся между спальней и гостиной. Подняв сиденье, он помог мальчику встать на керамический обод унитаза. Делани подумал: мне нужен ящик из-под сыра. Фанерный, невысокий, плоский и прочный. Я мог бы покрасить его красной краской. Или, может быть, жёлтой. Что мне ещё понадобится? Что может оказаться нужным малышу из того, чего я ему не могу дать? Когда мальчик закончил, Делани показал ему цепочку сливного бачка и то, как ею пользоваться, потом пустил в раковину горячую воду. Он умылся при помощи полотенца, затем горячее влажное полотенце взял мальчик и тоже умыл лицо. Делани его вытер, взял на руки и отнёс обратно в кровать. Он накрыл малыша простынёй и одеялом, и мальчик уткнулся лицом в подушку. Какое-то время он лежал неподвижно. А потом заревел.

«Mamá, Mamá, dónde está?***» — бормотал он.

Делани подошёл к мальчику и присел возле него. Он почти физически ощущал нужду и растерянность малыша, а может быть, и его страх. Он похлопал мальчика по спине, нежно и размеренно, словно это билось сердце, и тихо заговорил. Всё хорошо, малыш. Здесь ты в безопасности. Ты будешь есть. Ты будешь спать. Твоя мама вернётся. Но, как только рыдания прекратились, Делани почувствовал, как в нагреваемом воздухе повисают безмолвные вопросы: где я, кто этот человек и где моя мама? Он положил руку на спину мальчика, успокаивая его точно так же, как он успокаивал очень многих людей — раненых, больных, смятенных и преисполненных страха. На кроватях по всей округе. В конце концов ребёнок заснул.

Делани посмотрел на часы: два тридцать семь пополудни. Заканчивалось очень длинное утро. Он встал настолько тихо, насколько мог, и подбросил углей в камин. А дальше? Что даль-

* Всё хорошо (*исп.*).

** Мама, мама, где ты? (*исп.*)

ше? Письмо. Я должен прочесть письмо Грейс. Он поборол мерцающий ужас, переключившись на непосредственные нужды малыша. Я могу сделать ему постель на полу из одеял и подушек, на одну ночь. Или уложить его в одной из двух спален наверху. Но что будет, если он проснётся во мраке ночи? Я не могу позволить ему бродить по лестнице в темноте. О боже...

Теперь его пожирала уже собственная усталость. Раздеваясь и облачаясь в пижаму, он задумался об Эдди Корсо. О том, кто стрелял в него и почему. О том, выживет ли он. Как обычно, вопросы были без ответов. Ему нужно подождать. Медсёстры взяли Эдди в свои утешительные руки. Теперь пора заняться другими делами. Или одним большим. Ему предстояло прочесть это чёртово письмо.